

мён до конца XIX века. / И.Г. Акманов, Н.М. Кулбахтин, А.З. Асфанди-
яров и др.; под ред. И.Г. Акманова — Уфа: Китап, 2007. — 488 с.

4. **Попов, Н. В.Н.** Татищев и его время [Текст] / Н.А. Попов. — М.:
Тип. В. Грачева, 1861. — 804 с.

5. **Рычков, П.И.** История Оренбургская (1730–1750) [Текст] /
П.И. Рычков; Оренбургский губ. стат. комитет; под ред. и с примеч.
Н.М. Гутьяра. — Оренбург: Типо-литография И.И. Евфимовского-
Мировицкого, 1896. — 95 с.

6. **Стариков, Ф.М.** Откуда взялись казаки [Текст]: ист. очерк /
Сост. войск. старшина Ф.М. Стариков. — Оренбург: Типо-литогра-
фия И.И. Евфимовского-Мировицкого, 1881. — 263 с.

7. **Добросмыслов, А.И.** Материалы по истории России: сб. указов
и других документов, касающихся управления и устройства Оренбург-
ского края, 1735 и 1736 годы [Текст] / По архивным документам Тур-
гайского областного правления сост. А.И. Добросмыслов. — Оренбург:
Типо-литография Ф.Б. Сачкова, 1900. — Т. II. — 279 с.

8. **Рычков, П.И.** Топография Оренбургская, то есть обстоя-
тельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским
советником и Императорской Акад. наук кор. Петром Рычко-
вым [Текст] / П.И. Рычков. — СПб.: Императорская Академия наук,
1762. — Ч. II. — 262 с.

9. **Никольский, А.И., Чернощев Н.А.** Воинская повинность
казацких войск [Текст]: ист. очерк / сост.: подполк. А.И. Никольский
и коллеж. советник Н.А. Чернощев // Столетие военного министер-
ства 1802–1902 / Гл. ред. генерал-лейтенант Д.А. Скалон. — СПб.: Тип.
тов-ва М.О. Вольф, 1907. — Т. XI. — Ч. 3. — 683 с.

10. **Воробьев, Н.И.** Кряшены и татары: некоторые данные по
сравнительной характеристике быта [Текст] / Н.И. Воробьев // Труд
и хозяйство. — 1929. — № 5.

11. **Ягафова, Е.А.** Исламизация чувашей в Урало-Поволжье
в XVIII – начале XX века [Текст] / Е.А. Ягафова // Этнографическое
обозрение. — 2007. — № 4. — С. 101–117.

12. **Багин, С.А.** Об отпадении в магометанство крещеных
инородцев Казанской епархии и причинах этого печального явле-
ния [Текст] / свящ. С. Багин // Православный собеседник. — 1910. —
№ 1. — С. 119.

13. **Атнагулов, И.Р.** Казахи Челябинской области [Текст]: крат-
кая этнокультурная характеристика (к проблеме этнической само-
идентификации в полиэтничном окружении) / И.Р. Атнагулов // Про-
блемы истории, филологии, культуры. — 2017. — № 1. — С. 260–268.

I.R. Atnagulov

Turkic-Slavic Contacts and their Results in the Context of Russian Colonization of the Southern Urals in the XVIII – mid XIX century

*Atnagulov Irek Ravilyevich, Doctor of Historical Sciences, Head of the
Center of Ethnic History, Institute of History and Archaeology, Ural Branch
of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg; e-mail: i.atnagulov@mail.ru.*

Abstract. The construction of Russian society took place with close Slavic-
Turkic contacts. In the XVI century, the Turkic component in the country
increased. There was a problem of creating a population loyal to the regime,
which was solved by Christianization, class building, etc. The result was
a complication of the ethnic picture. New identities emerged — Kryashens,
Nagaibaks, Bobyls, Teptyars, Cossacks (Russians, Tatars, Bashkirs, Kalmyks),
and «Transline» Kazakhs who settled down.

Keywords: the South Urals, ethnic history, ethnic contacts, new identities.

УДК 94(470)«17/19»

К.И. ЗУБКОВ¹

МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЗОНЕ СТЕПНОГО ФРОНТИРА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ²

Аннотация. В статье расширение ареала русской колонизации
на степную зону Евразии анализируется сквозь призму не только
конфликта, но и сложного взаимодействия оседло-земледельческой
и кочевнической цивилизаций. Выявлены особенности политических,
административных и социально-культурных практик, направленных
на «замирение» степного фронта юга Урала и Сибири и его интегра-
цию в состав Российской империи.

Ключевые слова: Российская империя, колонизация, степной
фронт, цивилизация, взаимодействие, интеграция.

1 Зубков Константин Иванович, канд. ист. наук, заведующий Центром мето-
дологии и историографии, ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН,
г. Екатеринбург; e-mail: zubkov.konstantin@gmail.com.

2 Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ «Фронтальная
модернизация в России имперского периода: модели развития и закономер-
ности трансформации» № 18-09-00427А.

В постсоветской историографии в 1990-е – начале 2000-х гг. русская колонизация восточных частей страны стала анализироваться в терминах понятия «фронтир», что отражало стремление историков расширить горизонт осмысления колониационного опыта Российской империи путем нахождения параллельных, общих черт с аналогичным опытом других крупных государств, прежде всего североамериканских (США, Канада) [1, с. 68–70]. Это на время стало основной тенденцией в изучении российского фронта, заслонившей собой другую важную научную задачу — выявление его исторической специфики и объяснение природы его отличий от фронта американского.

Как показывает изучение наиболее сложного и бурного периода русской колонизации — XVII–XVIII вв., эти отличия обнаруживаются уже в самом географическом рисунке русской колонизации. Ускоренным темпом продвигаясь к Тихому океану, она в то же время упорно тяготела и прорывалась к югу — в лесостепную и степную зону Урала и Сибири. Это вызывалось необходимостью распространения местного хлебопашества, получения более удобных подступов к освоению горных богатств (на Урале и Алтае), освоения кратчайших и удобных коммуникаций (вроде «старой» Казанской дороги) — не только для поддержания связей внутри колонизируемого пространства, но и для развития внешней торговли (в первую очередь, с государствами Средней Азии и Китаем). Таким образом, наблюдая высочайшие темпы продвижения русской колонизации с запада на восток — в пределах северной лесотундровой и таежной зоны, мы одновременно можем говорить о не менее выраженной динамике ее постоянного склонения, под прикрытием этого геополитического «навеса», с севера на юг — в лесостепные и степные пространства [2, с. 27]. Такая динамика существенно отличала российский фронт от траектории его классического аналога, известного нам из истории освоения американского Запада.

Не менее специфичен был и сам характер русской колонизации. Вместо фронтального столкновения разностадиальных, сильно дистанцированных друг от друга цивилизаций, вместо методичного наступления агрессивных переселенцев на не имеющие «активного хозяина» (а потому считавшиеся как бы ничейными) туземные территории (как это было в США) в российском случае мы наблюдаем нечто иное — существенную зависимость самого хода и прогресса хозяйственной колонизации от целой системы факторов, в которых переплетались военная стратегия и тактика, внешняя поли-

тика и дипломатия, торговля и культурные заимствования [3, с. 11]. Степная зона Евразии являлась фокусом, в котором концентрировались наиболее интенсивные и драматичные процессы взаимодействия между русской, преимущественно оседло-земледельческой цивилизацией и различными этнополитическими — иногда очень сложными и «многослойными» — ансамблями, представлявшими кочевнический тип цивилизации. Заселение и освоение русскими этих территорий долгое время (вплоть до начала XVIII в.) сдерживались упорным сопротивлением со стороны воинственных кочевников, вследствие чего завоевательный аспект колонизации приобретал особое значение. Это в свое время дало основание В.П. Семёнову-Тян-Шанскому при выделении самых заметных черт русской колонизации подчеркнуть ее «несколько военно-мобилизационный характер», находящийся «в зависимости от безопасности границ на том или другом фронте» [4, с. 455]. Именно на юге Урала и Сибири в течение XVII и значительной части XVIII столетия сопротивление русской колонизации принимало характер серьезных и затяжных военных кампаний. Без малого столетие (до 1680-х гг.) продолжалась борьба с набегами Кучумовичей, чье стремление к династическому реваншу служило инспирацией для комбинированного натиска разных групп номадов (татар, башкир, казахов, калмыков, ногаев и др.) на русские города и слободы [5, с. 121–122]. В 90-х гг. XVII в. Кучумовичей в качестве главной опустошительной силы сменил другой кочевнический альянс — «воинские люди Казачьи орды (т.е. казахи. — К.З.), татара и каракалпаки» [6, с. 285, 287]. С 60-х гг. XVII в. по 70-е гг. XVIII в. основы стабильной русской власти на Урале с определенной периодичностью потрясали крупные вооруженные восстания башкир. Ожесточенный характер носили с 60-х гг. XVII в. на юге Сибири войны с енисейскими кыргызами, которые, выступая авангардом экспансии джунгар, были уведены последними в свои владения в 1703 г. [7, с. 232].

Нельзя, однако, сбрасывать со счетов то, что этот сугубо милитарный контекст отношений на каждом шагу сопровождался также и процессами взаимодействия и взаимопроникновения цивилизаций. Невозможно перечислить все факты культурных и хозяйственных заимствований между русскими и кочевниками урало-сибирских степей (особенно там, где русские казацкие аванпосты непосредственно соприкасались с ареалами кочевания степняков). Этот многоликий культурно-антропологический аспект взаимодействия цивилизаций подлежит детальному изучению, однако в качестве

подступа к нему важно выделить принципиальные структурные основы этих процессов.

Русский историк Д.А. Корсаков, мысля русскую колонизацию восточных окраин как выражение победы Европы над Азией, «арийского» племени над «финско-туранским», в то же время отмечал: «Культура наша бедна сравнительно с богатыми цивилизациями древнего мира — греческой и римской и с цивилизацией современных нам западно-европейских народов; <...> мы не в состоянии развить в Азии той высокой цивилизации, какую создало англо-саксонское племя в за-атлантическом материке, на берегах Миссури и Миссисипи...» А потому Россия, делает вывод историк, не может вполне покорить «инородцев» цивилизационно, но может воздействовать на них, скорее, медленным научением тому, в чем сама уже преуспела, — постепенно распространяя основы гражданственности, православие, культуру оседлости и земледелия [8, с. 49].

Возможно, непроизвольно, Д.А. Корсаков сделал очень важный методологический вывод, подчеркнув, что дистанция различий с покоренными народами и собственный уровень цивилизации у России еще очень малы, чтобы она могла полностью восторжествовать над чуждыми цивилизациями. На это во многом указывает и сам характер присоединения Урала и Сибири к Русскому государству. Помимо завоевания, мы обнаруживаем в нем также довольно плавное вхождение Русского государства в обладание урало-сибирскими территориями, своего рода эффект «замещения» суверена. Стоит вспомнить, например, что, как символическое выражение подданства, русская власть практически без изменений сохранила ясак — традиционный даннический институт сибирских народов, проводя при этом довольно мягкую политику интеграции правящих элит коренных народов в сословную иерархию Русского государства. Неслучайно Сибирь долгое время именовалось в официальных документах «царством», а сибирские царевицы (с 1718 г. — князя Сибирские) при русском дворе составляли особый ранг в иерархии аристократических родов [9, с. 40–41]. Фактически не было попыток форсированно распространить на восточные регионы социально-сословную структуру центра страны. По многим признакам, Русское государство, расширяя посредством «шертования» (принятия присяги) круг подвластных народов и удовлетворяясь подчас лишь формальным выражением подданства, предпочитало не разрушать традиционные инородческие институты, а интегрировать их в свою сложную властно-политическую структуру. Интересно, что в 1597 г.

царь Федор Иванович даже великодушно предлагал бежавшему в степи Кучуму «быти на прежнем своем юрте в Сибири», «на Сибирской з(емле) Царем» [10, с. 133–134]. Возникает естественный вопрос: что было бы, если бы Кучум принес покорность русскому государю, и если Кучуму даровано сохранить свое царское достоинство, то как в этом случае именовать стоящего над ним сюзерена? Ответ, вероятно, заключается в том, что уже во второй половине XVI в. — после завоевания поволжских ханств и покорения Сибири — Россия фактически превращается в универсальную империю. Самодержавная власть русских государей настолько широко и многолико проецирует себя на вновь приобретенные территории, настолько возвышается над покоренными царствами и народами, что ее исходная этнополитическая принадлежность как бы сглаживается. В известной монографии В.В. Трепавлова убедительно показано, что персонификация русского государя в образе «Белого Царя» не только служила символически-сакральным выражением его неоспоримой универсальной власти, но и необходимым инструментом практического управления сложным конгломератом народов, вошедших в состав России [11].

Исторически сформировавшись на стыке цивилизаций Запада и Востока, Российская империя, по мнению Д. Ливена, сама стала, в каком-то смысле, феноменом «пограничности», обрела уникальную дуалистическую, но тем не менее вполне органичную — западно-восточную сущность [12, р. 163, 164]. Эта империя-гибрид гибко сочетала в себе приверженность традиционалистским социально-управленческим практикам и восприимчивость к импульсам модернизации. Эта политико-управленческая гибкость особенно ярко проявлялась на степном пограничье Урала и Сибири. Приобретая лояльность местного нерусского населения неприкосновенностью их традиционного хозяйственно-бытового уклада и социальных институтов, охранением их вотчинных прав и других пожалований, русское правительство одновременно мягко, но последовательно трансформировало сложившуюся в степном пограничье этносоциальную структуру в нужном для государства направлении — например, активно привлекая отдельные контингенты кочевых народов к несению военной службы (в качестве подразделений иррегулярной конницы, в составе гарнизонов урало-сибирских городов и для охраны пограничных укрепленных линий) и выполнению других служебных функций — в роли толмачей, гонцов, послов и посредников в отношениях с сородичами и другими степными народами. В составе

гарнизонов Тюмени, Тобольска, Тары и других сибирских городов, составляя до трети их численности, вплоть до начала XVIII в. повсеместно упоминаются служилые «юртовские татары», получавшие за свою службу хлебное и денежное жалованье, освобождение от ясачной повинности, гарантии земельных прав [13, с. 61–62]. Благодаря воинской выучке и мобильности, знанию реалий и обычаев степи, контингенты служилых татар не только серьезно усиливали военную оборону урало-сибирских уездов, но и обеспечивали сводным военным силам русской администрации возможность совершать далекие походы в степь (длившиеся иногда до нескольких недель) в погоне за неприятелем или в превентивных целях. Служилые татары Тюмени и Тобольска часто перебрасывались для выполнения оборонных задач и на окраины, удаленные от места их службы (например, участие тюменских татар в поставлении Кузнецкого острога в 1618 г. или включение служилых татар Тобольска в состав русских сил, направленных в 1682 г. из Томска против «кыргызов, которые великому государю изменили и отъехали») [6, с. 194, 216, 230]. Аккультурации и закреплению степняков в новом социальном статусе в сильнейшей степени способствовало достигаемое пожалованиями и подарками обращение части их в православие, которое для «новокрещен» часто являлось и условием успешного продвижения по службе [14, с. 33–34].

Эти механизмы интеграции далеко не всегда вели к ассимиляции тюркского населения пограничья; напротив, в течение XVIII в. наблюдалась тенденция образования на основе его привлечения к военной службе новых, более дробных и институционально обособляемых, этносословных групп (мишари, тептяри, татары-казаки, нагайбаки). Перевод в военно-казачье сословие (со всеми вытекающими из этого пожалованиями и особыми правами) зачастую представлял как вознаграждение за верность правительству и являлся частью имперской политики «разделяй и властвуй», что хорошо видно из содержания указа Анны Иоанновны от 11 февраля 1736 г., изданного в разгар крупнейшего башкирского восстания 1735–1740 гг. [15, с. 741–745]. В 1798 г. для повышения эффективности пограничной службы на Оренбургской линии на положение военно-казачьего сословия были переведены башкиры [16, с. 189–197]. Учреждение особого Башкирско-Мещеряцкого войска с жесткой кантонной системой управления, усиливая административный контроль за беспокойными башкирскими землями и ограничивая свободу передвижения в их пределах, создавало импульсы к трансформации

хозяйства башкир в сторону оседлости и способствовало дальнейшей интеграции Башкирии в общероссийскую систему управления. Таким образом, можно сделать вывод, что институт государственной военной службы в степном пограничье выступал эффективным инструментом интеграции его отдельных этнических компонентов в имперский социум и стимулировал интенсивные межкультурные взаимодействия.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о функциональном назначении системы укрепленных линий, которая поэтапно создавалась в XVII – первой половине XIX вв. в степном пограничье Урала и Западной Сибири. Их функция не сводилась только к защите хозяйственно осваиваемого ареала русской колонизации от набегов кочевников. Многие укрепленные линии создавались вдоль речных магистралей, которые со времен Ермака являлись основными путями проникновения русских военных сил вглубь степных территорий. Этому принципу, в частности, подчинялось создание Иртышской линии крепостей, начало которой было положено походом отряда И.Д. Бухгольца к Ямышевскому озеру в 1715–1716 гг. Эта линия, опорную систему которой составили Омская (1716), Железинская, Семипалатинская (1718) и Усть-Каменогорская (1720) крепости [17, с. 99, 107–108, 113, 122], не только защищала юг Западной Сибири от набегов кочевников, но и осуществляла эффективное разделение кочевий казахов и осуществлявших экспансию на их земли джунгар, позволяя русской администрации управлять взаимоотношениями обеих групп номадов в этой части степи [18, с. 84–86]. Подобную многофункциональную роль выполняли и другие укрепленные линии. Например, построенная в 1736 г. полковником А.И. Тевкелевым Челябинская крепость, которая в системе с Миасской и Чебаркульской крепостями должна была служить защите хлебных обозов, направляемых из Теченской слободы на Оренбург, от мародерства восставших башкир, одновременно являлась важным узлом системы укреплений, отделявших с востока и юга башкирские земли от грабительских набегов со стороны казахов [2, с. 34]. Функция дробления сплошных номадических массивов с целью ограничения внутри них конфликтности и приведения кочевнической стихии к «замирению» являлась одной из важнейших в расчетах русской администрации. Создание подобных разделительных барьеров становилось эффективным инструментом управления отношениями властных элит и внутри отдельных номадических этносов. Иллюстрацией

этого могут служить обстоятельства создания в 1801 г. казахской Внутренней (Букеевской) орды. Для того чтобы предотвратить междоусобную династическую войну между сыновьями умершего хана Младшего жуза Нурали за власть, русская администрация предложила младшему сыну Букею перекочевать с 5 тыс. кибиток на правобережье р. Урал, где оставались пустующие земли после ухода части калмыков в 1771 г. в западную Монголию. При этом расположенные по реке форпосты Уральского казачьего войска осуществляли жесткий контроль за перемещениями казахских родов по обе ее стороны, предотвращая между ними споры и столкновения [19, с. 131–132]. Политика разделения сплошных номадических массивов на отдельные поддающиеся контролю фрагменты имела далеко идущие позитивные последствия, поскольку, стесняя свободу передвижения кочевников и ограничивая тем самым их хищнические инстинкты, она создавала стимулы к трансформации номадического хозяйства в направлении большей интенсификации и коммерчески-ориентированной специализации, включения во взаимовыгодные торговые связи с русскими поселениями, а также к постепенному переходу кочевников на оседлые занятия.

Всё вышесказанное позволяет говорить о целесообразности постановки вопроса о специфической евразийской модели этнокультурных взаимодействий, состоявшей в постепенной, медленной «притирке» разноцивилизационных элементов друг другу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Зубков, К.И.** *Фронтир как исследовательская парадигма* [Текст] / К.И. Зубков // *Урал. ист. вестник*. — 2018. — № 4 (61). — С. 63–71.
2. **Алексеев, В.В., Алексеева, Е.В., Зубков, К.И., Побережников, И.В.** *Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX века* [Текст]: [монография] / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников. — М.: Наука, 2004. — 600 с.
3. **Зубков, К.И., Шумкин, Г.Н.** *Степная граница Евразии: опыт макроисторической реконструкции* [Текст] / К.И. Зубков, Г.Н. Шумкин // *Урал. ист. вестник*. — 2019. — № 3 (64). — С. 6–14.
4. **Семенов-Тянь-Шанский, В.П.** *О могущественном территориальном владении применительно к России* [Текст]: *Очерк по полит. географии: [Доложен Отд. физ. геогр. в 1912 г., поправки и доп. 1915 г.]* / В. Семенов-Тянь-Шанский // *Известия Императорского Географического Общества*. — 1915. — Т. LI. — С. 425–457.

5. **Трепавлов, В.В.** *Сибирский юрт после Ермака* [Текст]: *Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш* / В.В. Трепавлов. — М.: Вост. лит., 2012. — 231 с.
6. *Полное собрание русских летописей* [Текст] = 1962– / АН СССР, *Ин-т истории СССР*.
Т. 36: *Сибирские летописи, ч. 1: Группа Есиповской летописи* / Сиб. отд-ние АН СССР, *Ин-т истории, филологии и философии*; [подгот. В.Н. Алексеевым и др.; предисл. Н.Н. Покровского, Е. К. Ромодановской]; отв. ред. А.П. Окладников, Б.А. Рыбаков. — Наука, 1987. — 382 с.
7. *Памятники Сибирской истории XVIII века* [Текст]: в 2 кн. Кн. 1. / [Ред. А.И. Тимофеев]. — Санкт-Петербург: тип. М-ва вн. дел, 1882–1885. — 551, XXXIV с.
8. **Корсаков, Д.А.** *Об историческом значении поступательного движения великорусского племени на Восток* [Текст]: *Речь, произнесенная в торжественном соборании Императорского Казанского университета 5 ноября 1889 г.*, орд. проф. русской истории Д.А. Корсаковым / Д.А. Корсаков. — Казань: Тип. Императорского университета, 1889. — 50 с.
9. **Любимов, С.В.** *Титулованные роды Российской империи* [Текст]: *опыт подробного перечисления всех титулованных российских дворянских фамилий, с указанием происхождения каждой фамилии, а также времени получения титула и утверждения в нем* [Текст]: в 2 т. Т. 1 / Сергей Васильевич Любимов [на титуле указано С. Васильевич]. — СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1910. — VIII, 296 с.
10. *Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел* [Текст]: в 4 ч. Ч. 2. — М.: Тип. Селивановского, 1819. — VIII, 610 с.
11. **Трепавлов, В.В.** «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. [Текст] / В.В. Трепавлов. — СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2017. — 320 с.
12. **Lieven, D.** *Dilemmas of Empire 1850–1918* [Text]: *Power, Territory, Identity* / D. Lieven // *Journal of Contemporary History*. — 1999. — Vol. 34, No. 2. — P. 163–200.
13. **Зуев, А.С., Люцидарская, А.А.** *Этнический состав сибирских служилых людей в конце XVI – начале XVIII века* [Текст] / А.С. Зуев, А.А. Люцидарская // *Вестн. Новосибирского гос. ун-та*. — Серия: *История, филология*. — 2010. — Т. 9. — Вып. 1: *История*. — С. 52–69.
14. **Люцидарская, А.А.** *Инкорпорация сибирских аборигенов в государственные структуры России* [Текст] / А.А. Люцидарская //

Вестн. Новосиб. гос. ун-та. — Серия: История, филология. — 2014. — Т. 13, Вып. 1: История. — С. 33–41.

15. Полное Собрание Законов Российской Империи [Текст]: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года: в 48 т. Т. IX. 1733–1736 гг. — СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — 1016 с.

16. Полное Собрание Законов Российской Империи [Текст]: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года: в 48 т. Т. XXV. 1798–1799 гг. — СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — 932 с.

17. Миллер, Г.Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии [Текст] / Г.Ф. Миллер // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие: январь, февраль 1760 года. — СПб.: Имп. Акад. Наук, 1760. — С. 99–136.

18. Касымбаев, Ж.К., Мухамедьяров, Ш.Ф. Верхнеиртышские укрепления в системе международных отношений в Центральной Азии: вторая половина XVIII в. [Текст] / Ж.К. Касымбаев, Ш.Ф. Мухамедьяров // Из истории международных отношений в Центральной Азии: средние века и новое время. — Алма-Ата: Гылым, 1990. — С. 83–92.

19. Ханыков, Я.В. Очерк состояния внутренней Киргизской орды в 1841 году [Текст] / Я.В. Ханыков // Записки Русского Географического О-ва. — СПб.: Тип. 2-го Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1849. — Кн. I и II. — С. 121–148.

K.I. Zubkov

Interaction Between Civilizations in the Steppe Frontier Zone of the Russian Empire

Zubkov Konstantin Ivanovich, Candidate of Sciences in History, Head of the Centre of Methodology and Historiography, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg; e-mail: zubkov.konstantin@gmail.com.

Abstract. The article gives the analysis of extending area of the Russian colonization in terms of not only conflict, but also the complicated interaction of the settled agricultural and nomadic civilizations. In the focus of the analysis, there are characteristic features of political, administrative, and socio-cultural practices aimed at 'pacification' of the Ural-Siberian steppe frontier and its integration into the Russian Empire.

Keywords: Russian Empire, colonization, steppe frontier, civilization, interaction, integration.

УДК 63.3 (470.5)

Е.А. КУРЛАЕВ¹

ПРОМЫШЛЕННОЕ ОСВОЕНИЕ УРАЛА: о статистике производства боеприпасов²

Аннотация. В историографии сложились мифы, преувеличивающие значение уральской военной промышленности в Северной войне. В докладе приведены новые статистические данные производства боеприпасов на Урале.

Ключевые слова: промышленность Урала, XVIII век, производство боеприпасов, статистика.

Истории возникновения уральской промышленности посвящено немало трудов. В военный и послевоенный период предпринимались попытки объяснения феномена взлета уральской промышленности в Петровскую эпоху. В это время историки более активно работали с первоисточниками, выявив несколько ценных документов о производительности первых заводов. В угоду политической конъюнктуре в общественном сознании утверждались мифы, преувеличивающие значение уральской военной промышленности в Северной войне. Одной из причин мифотворчества было и отсутствие постоянных исследований в архивохранилищах страны.

Первый миф убеждал в том, что прибытие в центр страны первого каравана с оружием в самый острый момент борьбы за балтийское побережье было результатом продуманной, дальновидной стратегической и геополитической линии Петра I и российского правительства, направленной на создание на востоке страны, в глубоком тылу, мощного военно-промышленного района. А царские указы 1697 г., о выборе мест и начале строительства заводов на Урале появились будто бы в преддверии надвигавшейся большой войны со Швецией. Вторым мифом убеждал нас о большой роли уральской артиллерии в Северной войне, третий — об участии каменных пушек в Полтавской битве. И, наконец, четвертый — о производстве на Урале миллиона штук артиллерийских боеприпасов.

¹ Курлаев Евгений Анатольевич — канд. ист. наук, старший научный сотрудник Центра методологии и историографии, ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: kurlaev@el.ru.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00611А.